

**ВАДИМ
РУДНЕВ**

ЛОГИКА

БРЕДА

Вадим Руднев
Логика бреда

«Когито-Центр»

2015

УДК 130.3
ББК 71

Руднев В. П.

Логика бреда / В. П. Руднев — «Когито-Центр», 2015

Книга известного российского философа и психолога Вадима Руднева посвящена осмыслению вопросов, связанных с построением логики бредовых представлений с позиций философии обыденного языка и психосемиотики, междисциплинарного подхода, который автор книги давно разрабатывает в своих исследованиях. Автор вводит ряд новых концептов, таких, как бессознательная наррация, согласованный бред и подлинный бред. Бессознательная наррация – это повествование, которое разворачивается помимо сознания его автора. Согласованный бред – это та реальность, в которой мы живем. Подлинный бред – это не просто бред шизофреника, а некое особое и, как правило, креативное состояние человеческой психики. Книга написана живым, увлекательным языком. Она будет интересна и полезна не только психологам, философам и культурологам, но и всем читателям, для которых актуальны вопросы развития человеческого интеллекта.

УДК 130.3

ББК 71

© Руднев В. П., 2015
© Когито-Центр, 2015

Содержание

От автора. Бред и мы	6
Предисловие. Откуда берется бред?	7
Глава первая. Бред воздействия	9
Глава вторая. Бессознательная наррация	22
Глава третья. Согласованный бред	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вадим Руднев

Логика бреда

© Руднев В. П., 2015
© Когито-Центр, 2015

* * *

От автора. Бред и мы

Жиль Делёз, как известно, считал, что философия – это изобретение концептов. В этой книге мне, кажется, удалось изобрести как минимум два интересных концепта: *бессознательная наррация* и *согласованный бред*. Я не буду рассказывать, что это значит, потому что тот же Делёз (который последние годы оказывает на меня все большее влияние) писал, что философская книга должна быть похожа на детективный роман. Так что я не стану портить читателю удовольствие.

Вообще говоря, чтобы лучше понять «Логика бреда», лучше бы вначале прочитать книгу «Новая модель реальности», так как многие идеи взяты из нее. Но поскольку совершенно непонятно, какая книга выйдет в свет раньше, а какая позже, на первых страницах «Логика бреда» я постараюсь объяснить основные положения своей нарративной онтологии.

О чем эта книга? Она не о сумасшедших и не о бреде сумасшедших, она о нашей обычной жизни, и не потому, что наша жизнь – это полное безумие, хотя она, конечно, и есть полное безумие, а потому, что бред – это настолько странное явление, что он в каком-то смысле есть, а в каком-то смысле, может быть, его и нет. Но я уже начал рассказывать сюжет.

Мой парижский друг Ефим Курганов читал ежедневно каждый фрагмент этой книги, и от него я получал много комплиментов и еще больше критики. И за то, и за другое я выражаю ему самую глубокую признательность. С Михаилом Бойко, моим учеником и другом, мы обсуждали те вещи, которые касаются мультиверсной интерпретации квантовой физики. Моя жена Татьяна Михайлова подсказала мне несколько интересных сюжетных ходов. Кирилл Горелов оказывал мне неоценимую моральную поддержку.

Я желаю всем счастья.

Предисловие. Откуда берется бред?

Давайте для начала зададимся простым вопросом: откуда берется бред? Ответ будет таким: бред берется из жизни, из самой обыкновенной обыденной жизни. Шизофрения – специфическое психическое заболевание человека. Только homo sapiens болеет шизофренией. Потому что чтобы сойти с ума, нужно по меньшей мере им обладать. Что такое ум, мышление? Это способность отличать одно от другого и строить умозаключения. Люди это умеют. Почему же они сходят с ума? На самом деле сумасшедших не существует. Шизофреники – такие же люди, как мы. Но чем-то они все-таки отличаются от нас. Чем же? Можно было бы сказать так: они не тестируют реальность, они ее отрицают. Но что такое реальность? Я отвечу на этот вопрос в духе своей только что законченной книги «Новая модель реальности». Реальность – это система нарративов, зашифрованных посланий, смыслов, превращающихся друг в друга и проникающих друг в друга, а также отождествляющихся и разотождествляющихся друг с другом¹. Шизофрения вполне отвечает такому определению реальности, ибо в ней происходят именно эти процессы. Выходит, Фрейд и другие психоаналитики, которые определяли шизофрению как отрицание реальности, ошибались? Нет, они не ошибались. Они просто не задумывались над тем, что такое реальность, или понимали ее наивно-позитивистски, в духе XIX века, как нечто существующее самостоятельно, помимо нашего сознания. Что же такое жизнь, откуда, как мы полагаем, берется бред? Жизнь – это нечто в высшей степени парадоксальное. С одной стороны, она ведет к смерти, энтропии, с другой – к бессмертию, информации. И самое удивительное, что эти противоположные процессы происходят в жизни одновременно. Мы живем и все время что-то создаем, а что-то разрушаем.

Как возникает бред, шизофренический бред, бред воздействия? Мы все так или иначе воздействуем друг на друга. В детстве на нас воздействуют родители, старшие братья, воспитатели и учителя, телепередачи, книги, подслушанные разговоры взрослых, знакомые мальчишки во дворе. Когда мы становимся взрослыми, то сами начинаем воздействовать на других людей: на своих детей, жен, коллег, друзей и знакомых. Но на нас по-прежнему продолжают оказывать воздействие книги, картины, музыка, газеты и другие массмедиа, в последнее время – интернет и политики, которые нас обманывают. Причем же здесь бред воздействия? У так называемых психически здоровых людей взаимное превращение и проникновение смыслов происходит хотя и по-разному, но более или менее однотипно. Но представим себе, что нечто или некто воздействует на нас совершенно особым образом. Когда Гамлет говорил с призрак своего отца, это был, возможно, бред воздействия. Гамлет очень не любил своего дядю и ревновал его к матери. У него был классический эдипов комплекс. Во всяком случае, так считал Фрейд, посвятивший Гамлету фрагмент своей книги «Толкование сновидений». Вот на этой датской почве принц и заболел. А призрак отца был его проекцией и больше ничего. Он просто сформировал у Гамлета сверхценную идею: отомстить, убить Клавдия, и с этой точки зрения вся система смыслов и ценностей у Гамлета переформировалась. Сам Гамлет не считал себя психически больным, он хотел добросовестно убедиться в преступлении Клавдия и поэтому притворился сумасшедшим. С моей точки зрения, близкой к позиции антипсихиатрии Рональда Лэйнга и Томаса Саса, быть сумасшедшим и притворяться им – это, в сущности, одно и то же. Безумие – это языковая игра со своими правилами. Первое состоит в том, что безумец не должен поступать разумно. Иначе его разоблачат и обвинят в симуляции. А что значит вести себя разумно? Это значит ходить на работу, читать газеты, любить жену и заботиться о детях. А что значит вести себя безумно? Бегать, рвать на себе волосы, выкрикивать нелепые слова, видеть галлюцинации? Не обязательно. А что обязательно? Перестать верить в

¹ Руднев В. Новая модель реальности. М.: Дело, 2015.

формальные стереотипы жизни. Безумец – это всегда другой, не такой, как все. Евангельский Иисус в молодости вел себя так, что даже родные считали его сумасшедшим. Был ли Иисус шизофреником или параноиком? Формально у него были сверхценные идеи, что Он – Мессия, Сын Божий, проповедующий Царствие Небесное. Но это была только поверхность. Он очень ясно дал понять Пилату, что Царствие Его не от мира сего. Что пытался сделать Иисус? Он пытался приобщить людей к высшей сознательности (которую Он и называл Царствием Небесным) при помощи метанойи, то есть изменения разума. Его миссия была прервана. Но одно он успел сделать: он дал нам психологию. Суть ее заключалась в том, что внутреннее важнее, чем внешнее². Бред появляется тогда, когда нечто внутреннее начинает восприниматься как внешнее, когда человек экстрацирует внутренний голос, который он воспринимает за реальность. Яркий пример бреда воздействия описан раннехристианским философом Бозцием в трактате «Утешение философией». Он сидел в тюрьме и ждал смертной казни. Тогда ему явилась прекрасная женщина Философия и утешила его.

Тем временем, пока я в молчании рассуждал сам с собою и записывал стилем на табличке горькую жалобу, мне показалось, что над моей головой явилась женщина с ликом, исполненным достоинства, и пылающими очами, зоркостью своей далеко превосходящими человеческие, поражающими живым блеском и неисчерпаемой притягательной силой; хотя была она во цвете лет, никак не верилось, чтобы она принадлежала к нашему веку. Трудно было определить и ее рост, ибо казалось, что в одно и то же время она и не превышала обычной человеческой меры, и теменем касалась неба, а если бы она подняла голову повыше, то вторглась бы в самое небо и стала бы невидимой для взирающих на нее людей³.

С точки зрения новой модели реальности внутреннее все время переходит во внешнее и наоборот, как на ленте Мебиуса. Как можно изучать бред с точки зрения новой модели реальности? В ответе на этот вопрос цель моей книги.

² Подробно см.: Руднев В. Иисус Христос и философия обыденного языка. М.: Аграф, 2013.

³ Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 190.

Глава первая. Бред воздействия

Представим себе разговор двух людей. Каждый из них считает втайне другого сумасшедшим. Поэтому они боятся друг друга, крайне напряжены и стараются в разговоре быть как можно более любезными. Примерно так относятся друг к другу почти все нормальные взрослые люди. Даже говоря «правду» (люди, склонные полагать, что они знают, что такое правда, глубоко заблуждаются), они лгут другу другу. Каждый видит в другом если не врага, то по меньшей мере противника. Вот этот «разговор» «нормальных» людей на самом деле и есть настоящая шизофрения. Лечить надо здоровых от их здоровья.

Как же люди могут воздействовать друг на друга? Ответ на этот вопрос зависит от того, что считать более фундаментальным – психическое здоровье в традиционном смысле или (тоже в традиционном смысле) психическую болезнь. Я исхожу из того, что «психическая болезнь» более фундаментальна. Потому я часто ссылаюсь на поразившие меня раз и навсегда слова Лакана, что «норма – это лишь хорошо компенсированный психоз»⁴.

Человеку с самого начала его развития приходится испытывать воздействие на себе со стороны значимых объектов и самого себя считать способным на всемогущее воздействие (на самом деле галлюцинаторное). Младенец склонен думать, что все находится под его всемогущим контролем. Впервые об этом ясно написал один из самых ярких учеников Фрейда Шандор Ференци в статье «Ступени развития чувства реальности»⁵. Лишь постепенно ребенок начинает понимать, что не все в его власти, и мириться с этим. Принцип удовольствия сменяется принципом реальности. Но именно из раннего детства и младенчества человек черпает навыки того, как можно воздействовать на другого человека. В том числе и память о том, что воздействие может быть даже смертельным. Это очень хорошо понимал Франц Кафка. В его рассказе «Приговор» старый немощный отец, сидящий в инвалидной коляске, кричит сыну: «Я приговариваю тебя к казни водой», и сын тут же бежит топиться. (Я прошу прощения у своих постоянных читателей за то, что часто из книги в книгу привожу одни и те же примеры. Отчасти я делаю это сознательно: повторение – мать учения.)

Но воздействие не обязательно должно быть грубо авторитарным, прямолинейным, сугубо императивным. «Вон отсюда, ублюдок!» «Встать! Партбилет на стол!» «Коммунисты, вперед!» – это, так сказать, тоталитарное (и в основе своей психотическое) воздействие. Только что я прочитал дневник девушки, у которой был бред воздействия. Ей казалось, что она находится во власти Системы, которая отдавала ей жесткие приказы, например, запрещала ей принимать пищу⁶. Воздействие может быть более утонченным, косвенным. Косвенные речевые акты были подробно описаны ярким представителем теории речевых актов Джоном Серлем⁷: «Было бы неплохо, если бы вы отдали нам деньги прямо сейчас». «Лучше всего было бы, если бы вы сейчас вышли из комнаты» и т. п. Косвенное воздействие логично назвать либеральным воздействием. Либеральное воздействие может быть чрезвычайно эффективным и при этом являться в скрытой форме тоталитарным. Существует пословица: «Если кошке внушать, что она собака, то она в конце концов залает».

Когда я пишу эти строки, мне становится горько и тоскливо, потому что вся эта ложь, воздействие, скрытый тоталитаризм, вражда, жажда наживы – все это бессмысленно. Мы все на самом деле живем в рамках новой модели реальности, где нет нормальных и сумасшедших, где вместо воздействия – взаимодействие. Как объяснить людям, что они живут не в ложной

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн. 5. Образования бессознательного. М.: Гнозис/ Логос. 2002. С. 451.

⁵ Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М.: Университетская книга, 2000.

⁶ Сэйз М. Дневник шизофренички. М.: Когито-Центр 2013.

⁷ Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике, вы. 17. Теория речевых актов. М., 1987.

реальности, а в волшебном мире добра и справедливости? Даже Христу не удалось это, а куда уж мне! Поэтому я действую по-хитрому. Изучаю бред воздействия, чтобы подспудно, так сказать, от обратного, приучить людей к новой модели реальности.

Предположим, жена говорит мужу: «У нас кончилась картошка, пойдди купи картошки. Хоть что-нибудь сделай для семьи!» Муж послушно идет и покупает картошку. Это лучше, чем если она его будет пилить до вечера. Муж презирает жену за ее мелочность, придирчивость и истерические скандалы. Он не понимает, что тот ад, который царит в их доме, сотворил он сам. Что он невнимателен к жене, утыкается все время в газету, пьет с друзьями пиво, а с ней почти не разговаривает. Таких семей очень много. Но ведь кому-то действительно нужно покупать картошку и другие пищевые продукты. Самый лучший, самый эффективный способ воздействия на близкого человека – это давать ему что-то, а не требовать постоянно от него. Есть два вида боевых искусств – западные и восточные. Западные примитивны: бить, бить, пока противник не упадет и больше не встанет. В восточной боевой практике тайцзи цюань важно, напротив, не нанести удар, а спровоцировать противника нанести неверный удар.

Однажды я участвовал в презентации своей книги «Новая модель бессознательного» на ежегодной ярмарке «Non fiction». Я сидел и «торговал» своими книгами. Подошла бедно, но чисто одетая старушка, купила книгу и попросила сделать дарственную надпись. Я спросил ее, где она работает. Она ответила, что читает лекции во втором медицинском институте. Я спросил: «По философии?». Она кротко улыбнулась и ответила: «Нет, по эндокринологии». Я никогда не забуду эту старушку. Это было одно из самых позитивных воздействий в моей жизни. В минуту разочарований я вспоминаю ее, и мне становится веселей на душе.

Что же такое бред? В клинической традиции на этот вопрос отвечают так. Бред – это система ложных воззрений и высказываний патологического сознания, искаженно отражающих окружающую действительность. Наивность этого определения бросается в глаза. Что значит *ложных* воззрений, какой еще «окружающей действительности»? Как можно определить бред с точки зрения принципов новой модели реальности? Что это за принципы? Прежде всего реальность – это наррация, система посланий, зашифрованных смыслов, взаимно переходящих, проникающих друг в друга и отождествляющихся друг с другом на ленте Мебиуса, где внутреннее переходит во внешнее, а внешнее – во внутреннее. С этих позиций классическое понятие бреда теряет смысл. Бред – это и есть послание, полное зашифрованных загадочных смыслов, наррация, где внутреннее переходит во внешнее. Так, значит, новая модель реальности изображает бредовую реальность? Нет, это *наша* традиционная реальность, в которой мы, как нам кажется, живем, является бредовой. Но не слишком ли это радикальное высказывание? Молодой человек говорит девушке: «Давайте пойдем с вами завтра на концерт, я уже взял билеты». «Конечно!» – радуется девушка. Где здесь бред? Нормальные интеллигентные люди. Будут слушать музыку. Прекрасно! Но почему-то сразу вспоминаются строки из Есенина:

Как прыщавой курсистке длинноволосый урод
Говорит о мирах, половой истекая истомою.

Это из позднего стихотворения Есенина «Черный человек», где изображен классический бред воздействия. Приведем его полностью.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,

Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусая надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек
Черный, черный...

«Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье, – говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой.
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

.....

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная...
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта

Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится. —
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой лирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет „она“,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Черный человек!
Ты прескверный гость!
Это слава давно
Про тебя разносится”.
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

.....

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

Что поражает в этом замечательном стихотворении? Его честность и беспощадность. Черный человек – это сам герой, его двойник, «странный объект», психотическая часть его личности. А зеркало – символ его психической смерти. Самая важная, фундаментальная черта бреда – это его честность, находящаяся по ту сторону истины и лжи. В рамках новой модели реальности не герой разговаривает с зеркалом, а зеркало разговаривает с ним, разбитое же зеркало (разбитое сердце?) символизирует не психическую смерть, а фрагментированную ложную целостность личности, как об этом писал Лакан в знаменитой статье «Стадия зеркала».

Что значит «честность по ту сторону истины и лжи»? Быть честным – не означает быть правдивым. Можно честно врать. И можно лицемерно говорить правду. Бред больше похож на честную ложь, наши обычные житейские высказывания – на лицемерную правду. Хорошо. Когда мы приводили пример с молодыми людьми, которые собирались пойти на концерт, и интерпретировали это строками из Есенина, мы хотели сказать, что концерт был только поводом, сублимацией их сексуального желания. Но разве не могут люди пойти на концерт или в театр искренне, из любви к музыке и театральному искусству? Конечно, могут! Однако люди не могут все время ходить на концерты. Они должны себе зарабатывать на жизнь. И вот тут начинается настоящий бред. Они отсиживают в офисах, как отсиживали и при Советской власти, не вылезая из Интернета, этой современной квинтэссенции бреда воздействия, смотрят на часы, ожидая, когда же наконец закончится рабочий день. Но есть другие люди, молодое поколение, которые, наоборот, все время страстно хотят учиться, учиться и учиться. Из десяти моих аспирантов защитил диссертацию всего один. Остальные либо просто сошли с дистанции,

либо поступили в другие аспирантуры и магистратуры. «Раньше все было просто: были мы и были они», – сказала в начале перестройки моя жена. *Мы* ходили на концерты, читали «Школу для дураков» и стихи Бродского. *Они* вступали в партию, ездили по заграницам и покупали шмотки. Сейчас все действительно перепуталось. Что же такое бред? Бред – это наша обыденная жизнь. Мы сейчас живем в атмосфере тотального интеллектуального кризиса. И когда мы из него выберемся, неизвестно. Героями нашего времени вновь становятся Передонов и Варвара. Что же делать? Прорываться в новую реальность. Исповедовать метанойю. Думать, думать! Но я не буду думать за тебя, читатель. Я буду лишь помогать тебе думать самостоятельно. Давай думать вместе, как вырваться из тисков бреда воздействия. Но для этого надо сначала хорошо изучить его. Что ж, за дело!

С клинической точки зрения бред воздействия представляет собой такое положение вещей, когда, как правило, в голове больного заводится, как ему кажется, какое-то существо или какая-то сила, которая руководит его действиями, приказывает и запрещает. Человек становится послушным автоматом в руках этой силы.

Что здесь бросается в глаза? Прежде всего модальный характер бреда воздействия. Он представляет собой ярко выраженную деонтическую модальность. Нечто должно делать, нечто запрещено делать, но ничто не разрешено. Страдающий бредом воздействия становится как будто одержим дьявольской силой. Он лишается воли, все за него решает другой. Самое удивительное и самое страшное, что эта дьявольская сила является лишь обратной черной стороной самого бредящего, как в процитированном стихотворении Есенина.

Как же человек мог попасть в капкан собственной психики? Учение о новой модели реальности может интерпретировать этот парадокс так. Каждый человек в принципе диссоциирован. В нем находится много субличностей, и одна переходит в другую. В какой-то момент одна из них становится доминирующей и подчиняет себе волю всех остальных. В рамках новой модели реальности не может быть никакого бреда воздействия, поскольку там все переходит во все и все отождествляется со всем.

Но как же это объяснить страдальцу, у которого в голове зловещая сила приказывает, что ему делать и чего не делать? Как можно переселить человека в новую реальность? Это очень трудно, но возможно. Для этого надо обесценить голос зловещей силы, звучащий в голове человека. Как это сделать? Надо попытаться противопоставить ей противоположную добрую силу, которая в состоянии победить злую силу. Но это лишь первый шаг – показать человеку, что его внутренний мир является ареной борьбы добра и зла. Если злая воля приказывает и запрещает, то добрая воля разрешает. Второй шаг заключается в том, чтобы показать, что зло является лишь обратной стороной добра. Надо, чтобы человек обрел смелость встретиться с самим собой и обрел целостность как дизъюнктивный синтез всех наличествующих в нем начал.

Как всего этого добиться? В битве враждующих внутри человека архетипов должна победить Самость. Для западного человека воплощением Самости является Иисус Христос. Ситуация Христа противоположна бреду воздействия. Он так доверял Своему Отцу, что принял смерть, уверенный, что воскреснет через три дня. Эзотерическая трактовка Страстей Христовых заключается в том, что человек должен умереть как ветхий человек и родиться как новый. Но причем же здесь бред воздействия? Чтобы победить его, человек должен встать на позицию Христа, у которого тоже был эпизод, сходный с бредом воздействия, когда дьявол искушал его в пустыне. В сущности, как и всякое психическое заболевание, бред воздействия – это проверка на прочность или даже инициация. Для того, кто прошел эту инициацию, уже ничего не страшно, отныне дьявол бессилен будет что-то ему приказывать или запрещать. Нормальным эквивалентом бреда воздействия является влюбленность, когда любимый как будто вселяется в душу влюбленного и начинает терзать ее. Кажется, что лучше умереть, чем терпеть такое мучение.

Дона Анна

Ну? что? Чего вы требуете?

Дон Гуан

Смерти.
О пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят,
Не подле праха, милого для вас,
Не тут – не близко – дале где-нибудь,
Там – у дверей – у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб,
Пойдете кудри наклонять и плакать.

Дон Гуану действительно пришлось умереть от руки статуи Командора, которого он сам вызвал к жизни своей дерзкой отвагой. Однажды у меня была пациентка, в которую влюбился ученый старше ее. У нее также был друг, который отнесся ко всему этому очень мягко. Пациентка восхищалась его благородством, а я качал головой. «Хорошо! – взорвалась она, – а вы бы что сделали на его месте?» – «Я бы на его месте вызвал бы вашего нового друга на дуэль». Это была шоковая терапия. Больше я свою пациентку не видел. Я решил, что она сама разберется в ситуации.

Как же все сказанное можно обобщить с позиций новой модели реальности? Человек, пребывающий в этой новой реальности, должен отказаться от всех оппозиций, сопровождавших его прошлую обыденную жизнь. Он теперь не нормальный и не сумасшедший, не здоровый и не больной, не хороший и не плохой, не живой и не мертвый. Он вообще должен отказаться от своей личности. Он становится частью какого-то огромного целого, которое парадоксальным образом является частью его самого.

Теперь попробуем подойти к проблеме от обратного. Возможна ли такая ситуация, когда на человека что-то не воздействует? Кажется, что, конечно, да, возможна. Вот я сижу дома и пишу книгу «Логика бреда». А в это время моя жена читает лекции в университете. Она воздействует на своих студентов. А на меня никоим образом. Но это не так. Она воздействует на меня своим отсутствием. Я скучаю по ней, думаю, когда она наконец придет, и т. д. Хорошо, допустим, где-то в Африке, в джунглях, негр сидит в хижине. Уж он-то точно не воздействует на меня. И Барак Обама не воздействует на меня. И Анджела Меркель не воздействует на меня. И даже Николь Кидман на меня не воздействует, если я не смотрю фильм с ее участием. Но стоит мне мысленно представить себе негра в хижине, Барака Обаму и Николь Кидман, они начинают воздействовать на меня. Но как же на меня могут воздействовать люди, которых я никогда в жизни не видел, разве что по телевизору? Они воздействуют на меня самым фактом своего существования. А неодушевленные предметы? Разве ручка, которой я пишу, воздействует на меня? На первый взгляд, кажется, что точно не воздействует. Но стоит в ней кончиться чернилам, я не смогу ею писать. Выходит, я испытываю косвенное воздействие со стороны своей ручки, я зависю от нее. Пока я жив, я испытываю воздействие от всего на свете, и все на свете испытывает воздействие с моей стороны. Здесь мы приближаемся к законам новой модели реальности, где все взаимодействует со всем.

Как все может взаимодействовать со всем? Постараюсь объяснить, как я сам это понимаю. В рамках новой модели реальности нет вещей, событий, слов и предложений. Вещь-собы-

тие-слово-предложение это одно и то же, переходящее, превращающееся, проникающее в другие вещи-события-слова-предложения. В рамках новой модели реальности, если у меня бред воздействия, значит, у всей реальности бред воздействия, или, скорее, вся реальность представляет собой один сплошной бред воздействия. Можно возразить, что эта картина не реалистична. А что реалистично? Мобильный телефон? Интернет? Телевизор? Компьютерная графика? Мы собираем реальность, как пазл, но только этот пазл не статичный, он подвижный. Если мы рассмотрим моментальный срез традиционной реальности, то мы мысленно увидим, что в ней одновременно происходит множество событий: кто-то спит, кто-то катается на велосипеде, ест, занимается любовью, читает книжку, пьет пиво, рождается, умирает. Вдумаемся: разве это не фантастическая картина! А теперь представьте, что все перечисленные и не перечисленные события – это вы сами. Каждый из нас одновременно спит, катается на велосипеде, ест, занимается любовью, читает книжку, пьет пиво, рождается и умирает. Это и есть новая модель реальности.

Но давайте на минуту спустимся на грешную землю, в обычную реальность, где, положим, молодой человек говорит девушке: «Я тебя люблю, выходи за меня замуж», а она отвечает, что не может этого сделать, потому что любит другого. Как эта ситуация выглядит с точки зрения новой модели реальности? Девушка воздействует на молодого человека, на девушку воздействует какой-то другой человек, которого она любит и который, возможно, любит ее. Но они все – одно зашифрованное послание, один треугольник с множеством углов, где все девушки любят всех молодых людей и взаимно превращаются друг в друга. Я вижу, вы не понимаете меня. Тогда вспомните первые кадры фильма «Малхолланд драйв», где танцуют его будущие персонажи, переходя один в другого. Вспомните странную онтологию этого фильма, в которой непонятно, где заканчивается одна девушка и начинается другая. Этот фильм очень важен для нас. Он сделан в духе новой модели реальности, и мы еще вернемся к нему. К чему мы сейчас приходим? Я думаю, к тому, что бред воздействия есть какая-то ошибка, результат неправильного взаимодействия одной части психики с другими. Но человек – не автомобиль и даже не компьютер. Его нельзя разобрать, исправить неполадки и собрать снова.

Как восстановить правильное взаимодействие частей психики человека? Психиатр ответит так: «Существуют нейролептики нового поколения, которые решают эту проблему за несколько дней». А как эта проблема решалась, когда не было нейролептиков, во времена Геллерлина, Сведенборга или Сократа, у которого был своеобразный бред воздействия, который он назвал даймонионом? Один пациент спросил свою жену: «Что ты сделаешь, если я приду к тебе и скажу, что я убил человека?» Она ответила: «Я обниму тебя и крепко прижму к себе, и тогда тебе станет легче». Истинно, истинно говорю: эта женщина живет в рамках новой модели реальности.

Можно ли сказать, что бред – это такое положение вещей, при котором человек погружается в себя и его мышление искажает объективную реальность? Но в который раз спросим себя: что такое объективная реальность? и в который раз ответим: она лишь иллюзия. Реальность принципиально скоординирована с моим сознанием, и, стало быть, каков бред, такова и реальность. Бред – это языковая игра со своими правилами. Если это бред отношения, то основным правилом является то, что все имеет ко мне отношение, все обращают на меня внимание, всё, что пишут в газетах, показывают по телевизору и выкладывают в Интернете, относится ко мне. Если это бред преследования, то основным правилом является то, что меня кто-то преследует, как у Пушкина Медный Всадник преследует Евгения. Если это бред воздействия, то основное правило заключается в том, что какая-то сила внутри меня руководит моими мыслями и поступками. Если это бред величия, то основное правило заключается в том, что я – Наполеон или Христос, или испанский король, или Дева Мария. Или же все, вместе взятые.

Что общего между всеми перечисленными видами бреда, составляющими развернутый брегово-галлюцинаторный комплекс при параноидной шизофрении? Пожалуй, общим явля-

ется то, что бредящий чрезвычайно активно взаимодействует с реальностью, а вовсе не отдаляется от нее. Отто Ранк, автор книги «Травма рождения», в другой своей книге писал, что безумец пребывает в истине, в то время как «нормальный человек» – в иллюзии своей нормальности. Я совершенно согласен с этим положением. Вот я сам сейчас пребываю в опасной иллюзии, что я – философ, писатель, автор большого числа книг, и больше знать ничего не желаю. Почему это иллюзия, и чем она опасна? Если я философ и писатель, то, значит, я нормальный человек, т. е., по Ранку, пребываю в иллюзии своей нормальности. Как мне пробиться к психотической истине и утвердиться в ней? Что на этот счет говорит новая модель реальности? Она говорит, что Я – настолько пустая и ненужная вещь, что о ней вообще не стоит и думать. Нет никакого Я, есть только взаимные превращения и отождествления. Но ведь это я придумал новую модель реальности. Как же она может диктовать мне свои условия? Но так ставить вопрос – значит вновь заниматься раздуванием, инфляцией своего Я. Не я придумал новую модель реальности, а она придумала меня, впустила меня в себя на какое-то время. В рамках новой модели реальности все действительно имеет отношение ко всему, и, стало быть, бред отношения – фикция. Все на самом деле преследуют всех, но не в том смысле, в каком убийца преследует жертву, а скорее в том, в каком говорят о преследовании какой-то цели. Какую цель преследую я? Ведь цель состоит не в том, чтобы написать очередную книгу, а в том, чтобы в очередной раз предпринять попытку разобраться в себе. Но ведь есть больные, у которых на самом деле есть преследования, которые уверены, что их преследуют масоны, ЦРУ или ФСБ. Если человек думает, что его преследуют масоны, то в его модели реальности, в его возможном мире так оно и есть. Он страдает и мучается из-за этого, его жизнь превращается в кошмар. Если же человека *на самом деле* преследуют, то жизнь его на самом деле превращается в кошмар. И, самое главное, невозможно определить, на самом ли деле его преследуют или у него персекуторный бред. «А судьи кто?» Точно так же дело обстоит с бредом воздействия. Кто мне докажет, что я на самом деле не одержим какой-то дьявольской силой? Что это такое «на самом деле»? Да, черный человек Есенина – это был он сам, его психотическая часть, но он *сам* пришел к этому. Так что же, надо оставить все как есть? Не лечить бредящих? Пусть себя бредят на здоровье! В определенном смысле так оно и есть. Но это же бесчеловечно! А не бесчеловечно ли было в брежневские времена преследовать инакомыслящих, сажать их в сумасшедшие дома и закалывать аминазином и галоперидолом, пока они от этого действительно не сходили с ума? У каждого человека есть свой жизненный проект, и он будет осуществлять его. Здесь не поможешь никаким таблетками.

Теперь о бреде величия. Ведь что такое бред величия? Чаще всего он возникает на терминальной стадии шизофрении. Человеку представляется, что он мессия. Ну что же, значит, он в своем жизненном проекте, в своем возможном мире действительно мессия. Христа, который заявлял, что Он – Сын Божий, тоже поначалу считали сумасшедшим. Но ведь у Ницше в конце жизни был бред величия. Он отождествлял себя то с Христом, то с Дионисом. Что ж, Ницше сам писал: «Падающего толкни!» То есть любому процессу не стоит препятствовать, а надо содействовать его завершению. А как на это отреагирует новая модель реальности? И Ницше, и Христос, Дионис, и все другие боги и смертные суть проявления одного начала, творческого по своей природе.

Все человеческие (а в новой модели реальности – и не только человеческие) отношения регулируются механизмом проективной идентификации, открытым Мелани Кляйн и в дальнейшем подробно разработанным ее последователем Уилфредом Бионом. Суть этого механизма как универсального механизма защиты состоит в том, что человек не просто идентифицирует себя с другим человеком, но и пытается заставить его вести себя так, как сам хочет. Например, пациент в психоанализе отождествляет аналитика со своим отцом и начинает его ненавидеть, навязывает ему свою трансферентную ненависть и заставляет его вести себя так, как будто он и есть его отец. В свою очередь аналитик в своем контрпереносе может отве-

тить пациенту взаимной ненавистью. Но на месте ненависти в проективной идентификации может быть и любовь, и взаимопонимание, и любое другое чувство. Проективная идентификация имеет непосредственное отношение к бреду воздействия. Когда сознание человека раздваивается и его психотическая часть в виде некой силы воздействует на него, понуждая к одним поступкам и запрещая другие, это и есть механизм проективной идентификации. Как может себя повести в ответ человек, страдающий бредом величия? Он может подчиниться и может бороться. Как здесь можно бороться, мы уже писали: для этого нужно обесценить воздействующую силу. Для этого психотик прибегает к следующему маневру, подробно описанному Бином: он выталкивает свою психотическую часть наружу и вселяет в какую-нибудь вещь – черные очки, тапочки, халат, во все, что угодно. В результате образуется то, что Бин назвал «странными объектами». Но это сугубо психотическое решение проблемы. Оно облегчает психотику жизнь в том смысле, что бороться с внешним противником гораздо легче, чем с внутренним. Но в этом случае могут появиться другие странные объекты, и все начнется снова. Есть ли более эффективные способы борьбы с бредом воздействия? Такие способы возможны лишь в рамках какого-то конкретного психотерапевтического метода, например, гешальт-терапии или психодрамы. Пациенту предлагается вывести наружу свою психотическую часть, посадив ее на «горячий стул». Затем он должен также экстрацировать свою творческую часть и посадить ее на другой стул. Между этими тремя объектами заводятся прения в присутствии психотерапевта, и все стороны могут высказываться совершенно откровенно. Я присутствовал на подобных сеансах и могу сказать, что они весьма эффективны. Как выглядит эта ситуация в рамках новой модели реальности? Проективная идентификация играет там гораздо большую роль, чем в традиционно понимаемых человеческих отношениях. Но при этом важно, что новая модель реальности не признает «странных объектов», так как в ее рамках нет ни бреда, ни безумия. Одно переходит в другое. Происходит бесконечный диалог между ее элементами. В этом диалоге имеет место не воздействие, в взаимодействие. Проективная идентификация играет роль мощного стимула к осуществлению этого диалога, так как она носит принципиально взаимный характер.

Если вернуться к обыденной реальности, то следует, очевидно, поинтересоваться, какую роль играет проективная идентификация в других видах бреда. Возьмем бред отношения. Допустим, мне кажется, что за мной все пристально наблюдают – на улице, в кафе, на работе, везде. Все пытаются осуществить по отношению ко мне проективные идентификации. Тогда у меня возникает естественный в данных обстоятельствах вопрос: почему ко мне проявляется такое повышенное внимание? Ответов может быть только два. Первый заключается в том, что, наверное, меня хотят уличить в каком-то преступлении или неблагоприятном поступке. Так бред отношения перерастает в бред преследования. Второй ответ таков: если все на меня обращают внимание, значит, я такая значительная личность. Так бред отношения перерастает в бред величия. Какую роль здесь играет проективная идентификация? При бреде преследования преследующий хочет поймать меня и признать виновным. При бреде величия дело обстоит более сложно. Здесь самое важное заключается в том, что собственное Я больного исчезает и на его месте появляются Наполеон, Иисус Христос и т. д. Мегаломан сам становится гиперстранным объектом, так как патологическая проективная идентификация поглощает его собственное Я, растворяет его в экстрактивной идентификации с великим человеком. Чем проективная идентификация отличается от экстрактивной? Тем, что для проективной идентификации нужно два субъекта, а при экстрактивной они сливаются в один квазисубъект (гиперстранный объект) или в целый кластер квазисубъектов, поскольку при бреде величия больной может отождествлять себя с кем и с чем угодно. Парадоксальным образом бред величия очень близок к тому, как складываются отношения между элементами в рамках новой модели реальности, так как там все отождествляется со всем. Мы должны еще раз повторить, что все анализируемые виды бреда имеют свои эквиваленты в обыденной «здоровой» жизни, где на нас обращают

внимание, преследуют нас, воздействуют на нас и где мы сами считаем себя выдающимися людьми. Почему такие слова, как «здоровый» или «нормальный», я ставлю в кавычки? Потому что психическая норма – эта такая же иллюзия, как внешняя реальность. Как за обыденной моделью реальности стоит новая модель реальности, так за психической нормой скрывается, по словам Лакана, «хорошо компенсированный психоз».

Здесь мне представляется необходимым сделать следующую оговорку. Если мы признаем, что «окружающая действительность», или «внешний мир», – это иллюзия, то и воспринимающее ее сознание – тоже иллюзия, фикция. Никакого сознания не существует. Нам только кажется, что мы что-то сознаем. Например, мне кажется, что я сейчас пишу книгу «Логика бреда», и я нахожусь сам под воздействием этой иллюзии. Или мне кажется, что я осознаю, что у меня есть жена и я ее люблю. Если принять гипотезу Гурджиева, что все мы – спящие машины, то как может машина что-то осознавать! Никак не может. Откуда же тогда берется иллюзия, что у нас есть сознание, при помощи которого мы воспринимаем внешний мир? На этот вопрос будет ответить нелегко. Если с самого начала нашей жизни до самой смерти мы только и делаем, что спим, то нам нужно какое-то иллюзорное оправдание этому. В качестве этого оправдания и возникает иллюзия, что мы что-то делаем – учимся, работаем, пишем книги, любим. Но тогда зачем же я пишу эту книгу, если я знаю, что мне это только кажется? И не скрывается ли в этом парадокс? Если я уверен, что мне все кажется, то не является ли и эта моя уверенность также иллюзией?

Может ли человек знать наверняка хоть что-нибудь? Например, можно сказать: я знаю наверняка, что меня зовут Вадим Руднев. Может быть, мне это тоже только кажется. Какие у меня доказательства, что меня зовут Вадим Руднев? Я беру свой паспорт, в который приклеена моя фотография и написано «Вадим Руднев». Но ведь паспорт – это элемент внешней реальности, которая иллюзорна. И любое другое доказательство будет взято из внешней реальности и, стало быть, также будет иллюзорным.

Что же делать? Если я ни в чем не уверен, если мне все только кажется, то зачем вообще вся эта жизнь? Я не знаю. Могу ли я быть уверенным в этом «Я не знаю»? Я и этого не знаю. Временами у меня возникает ощущение, что внешний мир вот-вот пропадет и мне скажут: «Добро пожаловать в пустыню Реального», как в «Матрице» Морфейс сказал Нео. Значит, я просто сумасшедший? Но любой настоящий философ – сумасшедший. Для философа, как и для безумца, мир предстает в виде агломерата странных объектов. Они все воздействуют на него. Телевизор, айфон, Интернет. Когда они выключены, они напоминают «Черный квадрат» Малевича, несомненно, самую странную картину на свете. Одна из важнейших черт бреда воздействия заключается в том, что все неодушевленные предметы кажутся бредящему живыми, а сам бредящий становится неживым автоматом, лишенным воли. Так в мире безумия живое и неживое меняются местами...

Но к чему эти разговоры об особенностях бреда воздействия, если ничего не существует, все только кажется! И самое неприятное, что кажущийся тоже лишь кажется самому себе. Кто-то назвал мою философию лингвасолипсизмом. Это неверно. Солипсист по крайней мере убежден в существовании себя самого. Но я не верю в существование себя самого. Более того, я не верю в существование ничто. Ничто тоже не существует. Ну а как же новая модель реальности? Она находится по ту сторону существования и несуществования. Ее элементы «упорствуют», по выражению Делёза. Они упорствуют в своей нелокальности. Нелокальность – свойство квантового мира. Квантовый мир придумали физики. Но я не придумывал новую модель реальности. Это она меня придумала. Я думаю (мне кажется), что новая модель реальности – это нечто вроде Розы Мира Даниила Андреева, у которого с клинической точки зрения (будь она неладна!), несомненно, был бред воздействия. Он сидел в камере, и по ночам ему показывали Шаданакар, Энроф и другие не менее интересные вещи. Он был не автором «Розы мира», а лишь передатчиком некой мистической информации. Новая модель реальности – калейдо-

скоп взаимных превращений. Она не дает застаиваться на одном месте. В этом смысле она уникальна. С точки зрения традиционной онтологии новая модель реальности – утопия, так же как и «Роза Мира». Но кто такая традиционная онтология, чтобы утверждать подобные вещи! Она вся построена на иллюзии и самообмане. Если люди когда-нибудь проснутся от гурджиевского сна, они несомненно окажутся в новой реальности. Пока же они не проснулись, они пребывают в состоянии бреда воздействия. Я не настолько глуп, чтобы считать, что могу своими книгами способствовать всеобщему пробуждению. Но сам я на какие-то доли секунды просыпаюсь, и тогда новая модель реальности предстает в бесконечных просторах любви и счастья.

Глава вторая. Бессознательная наррация

Теперь для более углубленного анализа бреда воздействия мы введем понятие *бессознательной наррации*. Напомню, что в новой модели реальности наррация – одно из основополагающих понятий. Реальность – это и есть система зашифрованных нарраций, посланий, и цель человеческой жизни – расшифровка этих посланий. Что же такое бессознательная наррация? Это нечто, что с точки зрения традиционной онтологии наррацией вообще не является. Вот я вышел на улицу вижу идущих мне навстречу прохожих, витрины магазинов, рекламы, машины... Я не осознаю всего того, что я вижу и слышу, я погружен в свои мысли. Но в бессознательном у меня откладываются цепочки из увиденного и услышанного. Это и есть бессознательная наррация. Для чего нужно это понятие? С точки зрения новой модели реальности вещи и факты не существуют сами по себе, они скоординированы с воспринимающим их человеком. Взятые вместе, они составляют элементы новой модели реальности. Но большая часть вещей и фактов воспринимается человеком бессознательно. Эти впечатления откладываются в памяти в виде нарративных цепочек. Бессознательные наррации представляют собой материал для построения обычных нарраций. В терминах генеративной грамматики Хомского бессознательная наррация соответствует глубинной структуре, а обычная наррация – поверхностной структуре. Подобно тому как глубинная структура является более фундаментальной по сравнению с поверхностной структурой, бессознательная наррация более фундаментальна, чем обычная наррация. Вообще все бессознательное является более фундаментальным, чем все сознательное (если сделать уступку традиционной психологии и признать, что сознательное в каком-то смысле существует).

Бессознательная наррация потенциально психотична, поэтому она по преимуществу бессвязна и номинативна. Так, бессознательная наррация моей прогулки по улице на пути от дома к метро может быть реконструирована примерно следующим образом: «ступеньки – подъезд – окурки – объявление – уважаемые жильцы – капли дождя – две тетki в серых пальто – парикмахерская «Татьянин день» – двое пьяных – нет, я не курю – машины – дома – метро». Чего не хватает бессознательной наррации, чтобы стать обыкновенной наррацией? Это равносильно вопросу о том, чего не хватает глубинной структуре, чтобы стать поверхностной структурой. Глубинная структура бессвязна, асинтаксична: *мальчик – мороженое – есть*. Поверхностная структура представляет собой связное членораздельное высказывание: *Мальчик съел мороженое*.

Наша гипотеза состоит в том, что при бредообразовании обычные наррации элиминируются и на место их встают бессознательные наррации. Это соответствует классическому психоаналитическому положению: у психотика на место сознательного встает бессознательное⁸. Когда больной сообщает своему психиатру или психоаналитику о своем бреде, он использует обычную наррацию. Он говорит нечто вроде: «На меня воздействует какая-то дьявольская сила, которая заставляет меня убить жену и детей». Но это высказывание так же соотносится с самим бредом, как рассказ о сновидении – с самим сновидением (разновидностью бессознательного нарратива). Сам бред разворачивается в виде бессвязной бессознательной наррации, может быть, примерно так: «Иван – топор – твоя жена – не жена тебе – топор – возьми скорей – твоя жена – Иван – ведьма – скорей возьми – и твои дети – немедленно топор – скорей, Иван – убей – твоя жена – немедленно – твои дети это – не твои – ведьма – скорей убей».

Как соотносится гипотеза о существовании бессознательной наррации с основными законами новой модели реальности?

⁸ Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.

Во-первых, в рамках новой модели реальности нет противопоставления сознательного и бессознательного, поскольку там одно постоянно переходит в другое.

Во-вторых, наррация в рамках этой модели не похожа на обычную наррацию, там нельзя сказать:

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.

Скорее, это будет нечто макароническое:

Однажды, в студеную зимнюю пору
Она пришла с мороза
В белом венчике из роз,
В приемный зал вошел без панталон,
На холмах Грузии вас больше не тревожит.

Конечно, это карикатура на новую модель реальности. Важно другое: применимо ли понятие бессознательной наррации в новой модели реальности? Ответ прост: любая наррация в новой модели реальности является эквивалентом бессознательной наррации. Но отсюда как будто напрашивается вывод, что новая модель реальности психотична. Но это с точки зрения традиционной психологии и онтологии. В новой реальности субъект перестает различать норму и патологию, он вообще лишается личности, попадая в калейдоскоп бесконечных превращений.

Чтобы сделать понятие бессознательной наррации более выпуклым, возьмем всем известный пример – новеллу «Наваждение», вторую новеллу фильма Леонида Гайдая «Операция Ы и другие приключения Шурика». Лето, экзаменационная сессия. Шурик натывается на улице на девушку, которая читает нужный ему конспект. Он бессознательно следует за ней, читая этот конспект (бессознательная наррация). Шурик и девушка садятся в трамвай, выходят на нужной остановке и, продолжая читать конспект, идут к дому девушки, бессознательно преодолевая все препятствия: красный свет светофора, серию открытых люков гидрантов. Даже злая собака у подъезда, видя, что они ее не замечают, не может им помешать. Они, продолжая читать конспект, входят в квартиру девушки, садятся за стол, не глядя едят и пьют, потом раздеваются, потому что очень жарко, и, продолжая читать конспект, ложатся на диван. (Если бы это был Голливуд, то дело несомненно дошло до бессознательного – не прерывая чтения конспекта – полового акта.) На этом бессознательная наррация заканчивается и начинается наррация сознательная. После экзаменов Шурик знакомится с этой девушкой, которую, как ему кажется, он раньше никогда не видел, они едут на трамвае по тому же маршруту, но затем чуть не попадают под колеса общественного транспорта. Шурик сваливается в один из люков, а злая собака, которая не дает им войти в дом, становится непреодолимым препятствием. После целой серии манипуляций с колбасой и кошкой они наконец попадают в квартиру девушки, и там у Шурика начинается дежа вю.

Чем бессознательная наррация выгодно отличается от сознательной? Тем, что в ней все происходит на уровне тела. Ведь бессознательное, как мы показали, находится не в психике, а в теле⁹. Поэтому герои так легко на уровне бессознательной наррации преодолевали все препятствия. Чем характеризуется бессознательная наррация при бредообразовании? Тем, что она

⁹ Руднев В. Реальность как ошибка. М.: Гнозис, 2010.

синкретична, что закономерно связывает ее с архаическим допонятийным мышлением. Вот что писала по этому поводу Ольга Фрейдберг:

Греческий роман опирается на очень древний материал. Тут рассказ носит субъектно-объектный характер; в нем нет различия между тем, кто рассказывает, что рассказывается, кому рассказывается. <...> В таком мифе сам рассказчик идентичен своему рассказу; <...> рассказ уподоблен жертвенному животному <...> жертвенным животным был сам герой...¹⁰.

Считаю необходимым заметить, что Ольга Фрейдберг, несомненно, была одним из (бессознательных!) создателей новой модели реальности. Ср. следующий фрагмент:

Похвальба победителя (жизнь), поносившего побежденного (смерть), колесообразно превращалась в свою противоположность, и побежденный (бездействующий, мертвый) герой становился побеждающим (действующим, живым)¹¹.

Здесь мы должны сказать, что понимаем наррацию предельно широко, ведь реальность с точки зрения ее новой модели в принципе нарративна, и нарративом является каждый ее элемент. В реальности вообще нет ничего анарративного. Номинативное слово-предложение «Зима» – это наррация о зиме. Предложение «Мальчик съел мороженое» – наррация о мальчике, съевшем мороженое. Наррациями являются все языковые игры в витгенштейновском смысле – лекция, прогулка по взморью, половой акт, игра в горелки, дефекация, анекдот, порка, репетиция оркестра.

1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога. 3. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. 4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человекам.

Но слово не может существовать вне контекста предложения, речевого акта и языковой игры. Лакан утверждал: «Бессознательное структурировано как язык». Что нам дает это знаменитое определение? Как структурирован бредовый язык? Язык бессознательного, бессознательная наррация бессвязна, асинтаксична. В ней нет различий говорящего, слушающего и самого рассказа. Следовательно, бессознательная наррация, если вспомнить первый процитированный фрагмент из Ольги Фрейдберг, есть в своей основе архаическая наррация, где слово и предложение, вещь и факт слиты во «всеобщем оборотничестве» (А. Ф. Лосев). Бессвязность является языковым эквивалентом бессвязности и переменчивости аффекта при бреде. Это превосходно показал Алексей Апухтин в стихотворении «Сумасшедший»:

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх
И можете держать себя свободно,
Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно,
Но это всё равно. Смущают мысль мою
Все эти почести, приветствия, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданных и очень устаю.
Как вам моя понравилась столица?
Вы из далеких стран? А впрочем, ваши лица
Напоминают мне знакомые черты,
Как будто я встречал, имен еще не зная,
Вас где-то, там, давно...
Ах, Маша, это ты?

¹⁰ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. М.: Лабиринт 1978. С. 210–211.

¹¹ Там же. С. 210.

О милая, родная, дорогая!
Ну, обними меня, как счастлив я, как рад!
И Коля... здравствуй, милый брат!
Вы не поверите, как хорошо мне с вами,
Как мне легко теперь! Но что с тобой, Мари?
Как ты осунулась... страдаешь всё глазами?
Садись ко мне поближе, говори,
Что наша Оля? Всё растёт? Здорова?
О Господи! Что дал бы я, чтоб снова
Расцеловать ее, прижать к моей груди...
Ты приведешь ее?.. Нет, нет, не приводи!
Расплачется, пожалуй, не узнает,
Как, помнишь, было раз... А ты теперь о чем
Рыдаешь? Перестань! Ты видишь, молодцом
Я стал совсем, и доктор уверяет,
Что это легкий рецидив,
Что скоро всё пройдет, что нужно лишь терпенье.
О да, я терпелив, я очень терпелив,
Но всё-таки... за что? В чем наше преступление?..
Что дед мой болен был, что болен был отец,
Что этим призраком меня пугали с детства, —
Так что ж из этого? Я мог же, наконец,
Не получить проклятого наследства!..
Так много лет прошло, и жили мы с тобой
Так дружно, хорошо, и всё нам улыбалось...
Как это началось? Да, летом, в сильный зной,
Мы рвали васильки, и вдруг мне показалось...

.....

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
Мы их собирали для Оли.

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа, – кричит, – василек
Мой поплывет, не утонет?!»

Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые.

Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Всё васильки, васильки,
Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегают по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут всё выше и выше...

Слышишь, смеются они...
оже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колют ее лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! куда мне деваться?
Всё васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

.....

Однако что же вы сидите предо мной?
Как смеее смотреть вы дерзкими глазами?
Вы избалованы моею добротой,
Но всё же я король, и я расправлюсь с вами!
Довольно вам держать меня в плену, в тюрьме!
Для этого меня безумным вы признали...
Так я вам докажу, что я в своем уме:
Ты мне жена, а ты – ты брат ее... Что, взяли?
Я справедлив, но строг. Ты будешь казнена.
Что, не понравилось? Бледнеешь от боязни?
Что делать, милая, недаром вся страна
Давно уж требует твоей позорной казни!
Но, впрочем, может быть, смягчу я приговор
И благости пример подам родному краю.
Я не за казни, нет, все эти казни – вздор.
Я взвешу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, стража, люди, кто-нибудь!
Гони их в шею всех, мне надо
Быть одному... Вперед же не забудь:
Сюда никто не входит без доклада.

Итак, в архаической бредовой наррации говорящий есть то же, что его рассказ, и он – жертва своего рассказа. И он приносит в жертву свой рассказ. При бреде величия, как в выше-приведенном стихотворении Апухтина, король – не просто король, но король в тюрьме (то же в «Записках сумасшедшего» Гоголя), т. е. жертва, преследуемый король; Наполеон – не просто Наполеон, но Наполеон в изгнании на острове Эльба; Христос – не просто Христос, но агнец

Божий, обреченный на заклятие. Почему в наррации бредящего все время речь идет о жертве? Потому ли только, что он – жертва психической болезни? Но классический психотик не понимает, что он душевнобольной, так же как архаический человек не понимает, что он – архаический человек. И тот и другой считают себя жертвой обстоятельств. При бреде отношения он жертва слишком пристального внимания со стороны окружающих, при бреде ревности он жертва измены коварной жены, при персекуторном бреде он жертва преследования. При бреде воздействия он жертва таинственных сил, игрушка в их руках, при бреде величия он жертва своего величия, подобная архаическому царю, описанному Фрэзером в «Золотой ветви». Но и любая обычная поверхностная наррация есть наррация о жертве, в пределе – о смерти. Каждое слово в языке связано со смертью¹². В этом смысле бессознательна наррация выполняет компенсаторную функцию. Она повествует о преодолении всех препятствий, о Воскресении, о реинкарнации. Если обычная наррация говорит: «Зима», то имеется в виду, увядание, смерть, если она говорит: «Лето», то это повествование об изнурительной жаре. Пушкин в стихотворении «Осень» рассказывает о своем отношении к временам года, и все они чем-то плохи, кроме осени, но и осень он любит, как умирающую «чахоточную деву». Ольга Фрейденберг писала, что наррация заменила собой миф. Она выразилась более определенно: «Наррация есть понятийный миф». Она также подчеркивала, что в мифе нет и не может быть никакой наррации. Она неправа лишь в том, что миф – это бессознательная наррация, где рассказчик, рассказ и слушатель, по ее же словам, слиты в одно. Жертва – внесение антропологического, «исторического», «сознательного» начала в бессознательную наррацию. В аграрном мифе, в элевсинской мистерии в обряде инициации, смерть-жертва – лишь доведение до предела архаических жизненных возможностей с тем, чтобы возникла новая жизнь. Когда говорят о мифологическом времени, например, об аграрном цикле, то поверхностно нарративизируют, историзируют миф. В мифе вообще нет и не может быть никакого времени, как нет его и в бессознательной наррации. Возможно, это будет звучать как парадокс, но понятие времени возникает только тогда, когда человек может отличить вымышленное от реального, а в мифе этого отличия нет, миф находится *до* этого отличия.

Любое предложение представляет собой обычную поверхностную наррацию. Например: «Наступила зима». Здесь есть время, есть интрига, начало и конец. Но в мифологическом языке нет и не может быть слов «наступила» и «зима», так как мифологический язык, по блестящей реконструкции А. Ф. Лосева, имеет инкорпорирующий строй. Там нет частей речи и членов предложения, но есть простое атемпоральное нанизывание основ, высказывание одновременно является самим действием и претерпеванием¹³.

Но почему мы настаиваем на том, что в мифе есть бессознательная наррация? Потому что человек в принципе не может себе представить ничего анарративного. Жизнь человека – это рассказывание историй, начиная с истории о том, как младенец сосет материнскую грудь. При этом рассуждения Мелани Кляйн и Вилфреда Биона о том, кто такой младенец, при всей их важности для психоаналитической теории и практики, с точки зрения реконструкции мифологического мышления чрезвычайно наивны. У младенца не может быть представлений о «плохой груди» или «хорошей груди», хотя у него скорее всего есть зачаточные бессознательные нарративные функции. Но они возможны только на инкорпорирующем языке. Не «Я сосу грудь», а нечто вроде «меня-груде-сосание».

Переходя к нашей главной теме, к бреду воздействия, необходимо сказать, что бессознательная наррация о нем, благодаря которой бредящий может выжить, подобно тому как архаический человек мог выжить благодаря бреду, также может представлять собой нечто

¹² См. об этом главу «Эксперимент со смертью» книги: Руднев В. Реальность как ошибка. М., 2011.

¹³ Лосев А. Ф. О пропозициональной функции древнейших лексических структур // А. Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М., 1982.

вроде архаического инкорпорирующего строя, в котором нет времени, категорий начала и конца и отличия подлинного от вымышленного. Почему мы говорим, что бессознательная наррация (бред) позволяет психотику выжить и не превратиться в животное? Потому что животное не знает наррации. Психическая смерть – это падение в животную анарративность (например, при кататонии). Пока человек говорит, он жив физически, пока психотик бредит, он жив психически.

Бессознательная наррация есть внутренняя (глубинная) наррация, обычная наррация есть внешняя (поверхностная) наррация. Но у бредящего психотика на место внешнего («сознательного») встает внутреннее (бессознательное). Стало быть, обычная поверхностная наррация и бессознательная глубинная наррация при бреде меняются местами. Что из этого следует? Защитная функция бессознательной наррации у «здорового» человека ослаблена его «здоровьем», она ему почти не нужна. У бредящего психотика она востребована. «Здоровый» человек идет по улице, ничего не замечая вокруг (лишь его бессознательное все регистрирует). Психотик не может себе этого позволить. Если он, к примеру, видит два окурка, значит, здесь стояли и курили жена и ее любовник. Если он видит машину, значит, она наблюдает за ним или готова его раздавить. В каждом окне и за каждым углом прячутся преследователи. Все предметы, слова, события и факты для психотика полны скрытого или явного смысла. И все это происходит в режиме активной бессознательной наррации, всплывшей на поверхность.

Здесь надо остановиться на том, что, говоря о бессознательной наррации, мы самого понятия бессознательного до сих пор не определили. Теперь настало время это сделать. В нашей книге о бес-сознательном¹⁴ мы представили соотношение индивидуального фрейдовского бессознательного и коллективного юнговского бессознательного как диалектику малого и большого зеркал, направленных друг на друга и отражающих друг друга. Одна из важных идей Юнга заключается в том, что при острой шизофрении психика затопляется архетипами коллективного бессознательного.

Как применить вышесказанное к понятию бессознательной наррации? Будем считать, что бессознательная прогулка по улице «здорового» человека – «малое зеркало» его индивидуального бессознательного: окурки, машины, окна, дома – это все «шлак», который обычный человек не замечает. При наступлении психоза большое зеркало коллективного бессознательного полностью вбирает в себя малое зеркало индивидуального бессознательного. Прогулка по улице становится архетипической. Не просто окурки, машина, окно, дом, но – их архетипы, сверхзначимые странные объекты, с которыми он вступает в отношения проективной идентификации. Что это в данном случае означает? Все предметы вокруг становятся живыми, поэтому с ними можно вступать в диалог. Как можно вести диалог с окурком? Его можно спросить, был ли он свидетелем свидания жены и любовника. Если окурки будут опираться, его надо растоптать, окончательно уничтожить. Но если он расколется, его надо будет приберечь как вещественное доказательство и при случае предъявить жене. Скольжение между двумя зеркалами индивидуального и коллективного бессознательного обеспечивает значимость всего вокруг. Мир бреда – это предельно семантизированный мир, там нет ничего, не имеющего смысла. Эти смыслы и предстают в виде бессознательной наррации об измене жены, о преследователях, о дьявольской воздействующей силе или о себе самом как воплощении великой жертвы. Можно сказать, что бредящий психотик живет в состоянии мифа, вне времени и вне противопоставления подлинного и вымышленного.

Как мы можем посмотреть на вышеописанную ситуацию с точки зрения новой модели бессознательного, где все переходит, проникает и превращается одно в другое? Как возможна бессознательная наррация там, где внешнее все время превращается во внутреннее и наоборот, а не так, как у психотика – внутреннее становится внешним, а сознательное бессознательным

¹⁴ Руднев В. Новая модель бессознательного. М.: Гнозис, 2012.

и на этом все останавливается? Новая модель реальности представляет нарратив как рассказ всего обо всем. Здесь не может быть ни бреда, ни не-бреда. Это сплошной поток творения смыслов.

Теперь уместно задать вопрос о том, какова судьба обычной поверхностной нарративации у человека, находящегося в состоянии острого бреда. Если бред полностью поглощает человека, то поверхностная нарративация редуцируется. Этому есть одна важная причина, которая заключается в том, что для острого психоза, как и для архаического сознания, слово отождествляется с вещью, а предложение – с событием. На архаическом материале это показала Ольга Фрейденберг, на психотическом – Уилфред Бион. Что из этого следует? Именно невозможность обычной нарративации. Для того чтобы сказать «Я иду по улице», надо понимать, что «Я» и «улица» – это слова, которые не похожи на обозначаемые ими вещи. Почему это так важно, что слово «улица» в «нормальном» мышлении не похоже на саму улицу? Потому что произвольность (арбитrarность) знака – одна из самых фундаментальных черт мышления *Homo sapiens*¹⁵. Когда наступает психоз и происходит регрессия к архаическому мышлению, слово «улица» становится не просто похожим на саму улицу, оно и становится самой улицей, и эта мифологическая улица – живая, хотя и покалеченная, как у Маяковского:

Пока выкипчивают, рифмами пиликаая,
из любвей и соловьев какое-то варево,
улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать.

Из этого следует очень важная вещь. А именно тот факт, что внешняя реальность становится острому шизофренику не нужна. Зачем она, когда в голове образуются бесконечные пространства из слов-вещей и предложений-событий? Именно в этом и только в этом смысле можно сказать, что психотик отказывается от реальности. И именно это и только это роднит реальность психотика и новую модель реальности, которая так же оперирует превращающимися друг в друга словами-вещами-предложениями-событиями. Но на этом сходство заканчивается. Важнейшее свойство бреда – его косность. Новая же модель реальности – это сама лабильность. Например, в ее рамках невозможен бред ревности, так как там потенциально все мужчины являются мужьями всех женщин, а все женщины – женами всех мужчин. Также там невозможен бред отношения, так как все имеет отношение ко всему. Невозможен бред преследования, так как там преследуются не люди, а цели. Невозможен бред воздействия, так как там царит взаимодействие. Невозможен и бред величия, так как великое и малое все время взаимно превращаются друг в друга.

Как же при бредообразовании происходит отождествление слова и вещи, предложения и события? Допустим, у человека бред ревности, и он считает, что жена ему изменяет со всеми подряд. При этом к обычному поведению жены это может не иметь никакого отношения. Жена действительно может с кем-то ему изменять. Но действительное для него уже не имеет никакого значения. Более того, у него реально вообще может не быть жены. Зачем, если слово «жена» и есть сама жена! И слово «измена» и есть сама измена.

Что в этом плане можно сказать о бреде отношения? Когда он заходит достаточно далеко, то за человеком начинают следить или обращать на него внимание не только прохожие на улицах, соседи, но фотографии, игральные карты (как было в бреде Передонова), персонажи с кино- и телеэкрана. Здесь субъект бреда вступает в мифологическую стадию не-разграничения вымышленного и подлинного, неодушевленного и одушевленного. При персекуторном бреде преследователь, как правило, представляет собой материализованное Суперэго Отца или Имя

¹⁵ Crow T. Is schizophrenia the price that *Homo sapiens* pays for language? // *Schizophrenia Research*. 1997. № 28. P. 127–141.

Отца. Так у Пушкина Медный Всадник преследует Евгения. Здесь тоже обыденная реальность не нужна, так как преследуемый, как правило, галлюцинирует. При бреде воздействия воздействующие силы, как правило, инсталлируются в голове больного в интрапроекции. Это псевдогаллюцинации, т. е. даже не настоящие слова. В том смысле, что их реально никто не произносит.

Что происходит при бреде величия? Его особенность в том, что утрачивается Собственное Я. Человек отказывается от своего имени, биографии и превращается в исторического героя или вымышленного персонажа. Здесь не просто утрачивается связь языка с реальностью и не просто исчезает сама реальность. Здесь исчезает сам язык. Хотя мегаломан может без конца повторять «Я Наполеон», это уж не речь, это вербигерация, нечто формальное, лишённое своего реального носителя. Поскольку при мегаломании может происходить отождествление с каким угодно количеством персонажей, это указывает на её парадоксальное сходство с новой моделью реальности. Природа этого сходства нам пока не ясна.

В чем же особая фундаментальность бреда воздействия? Человек разговаривает сам с собой, но одна его часть уже не он, а что-то странное, экстрацированный Большой Другой, который диктует человеку свои правила игры. А что это за правила игры? Универсальность бреда воздействия обусловлена его модальным синкретизмом. Главная модальность – как будто деонтическая: человеку что-то приказывают. Но ему приказывают, как правило, нечто очень дурное – это есть это аксиологическая модальность со знаком минус. Человек не знает, что именно ему приказывает, т. е. это эпистемическая модальность со знаком минус. Приказы эти отдаёт некая сверхъестественная сила, т. е. происходит нечто с точки зрения здравого смысла невозможное – алетическая модальность со знаком минус. Именно поэтому бред воздействия обладает такой мощной иллюкативной силой – он ударяет сразу по всем четырем модальностям сразу, этим совершенно обезоруживая человека. Но самое удивительное, что человек не может жить без этой иррациональной воздействующей на него силы, ведь это авторитет Отца с большой буквы, Тотема, как его описал Фрейд в книге «Тотем и табу». И человек сам часть этого Тотема. Поэтому неудивительно, что именно бред воздействия является специфическим для шизофрении (бред отношения и преследования имеют место и параноиде, бред величия бывает при маниакальной стадии маниакально-депрессивного психоза).

В чем самая характерная особенность бреда воздействия? В том, что разум человека раскалывается две половины, и одна из них воздействует на другую. Раскол же разума лежит в основании шизофрении.

Известно, что шизофрения во многом определяет культурный облик XX века. На пороге двух столетий естественнонаучная картина мира и соответствующая ей «естественнонаучная» модель культуры (так называемый «реализм») исчерпали себя. Там было все ясно: есть вещи, есть идеи. Мир вещей первичен, мир идей произведен от мира вещей – во всяком случае, такова была картина во второй половине XIX столетия (в романтизме, конечно, было не так, но стык нашей эпохи приходился не с романтизмом, а именно с этой естественнонаучной второй половиной XIX века).

Что же произошло потом? Прежде всего «исчезла материя». Произошло это оттого, что физики внедрили в структуру атома, и разграничения между тем, что реально существует, и тем, что можно только воображать, сильно пошатнулись. «Где эти атомы, вы их видели?» – спрашивал Эрнст Мах, один из зачинателей новой модели мира, сформулировавший закон «принципиальной координации» между материей и сознанием, после которого разграничение между материализмом и идеализмом в философии было похоронено. Потом внедрили в структуру атомного ядра, и дело стало совсем плохо – появилась квантовая физика, требовавшая новой онтологии и новой логики (многозначной), потому что элементарные частицы одновременно и существуют, и не существуют с точки зрения обыденного здравого смысла. А это, как мы показали в одной из предыдущих глав, соответствует шизофреническому схизису,

когда в сознании одинаково актуально нечто одно и нечто противоположное. И так, уже мир самой фундаментальной из наук оказался шизофренизированным; такая получалась картина, что она не укладывалась в дошизофренические модели: вот вещи, а вот знаки. Так больше не получалось.

В гуманитарной культуре происходили не менее удивительные вещи. Чего стоило одно изобретение кинематографа: человек давно уже умер, но вот он на экране совершенно живой, двигается, смеется, кажется, до него можно дотронуться рукой, но не тут-то было (как это замечательно описал Томас Манн в «Волшебной горе»). Вновь схизис: человек умер, а его изображение двигается.

Открытие бессознательного работало в том же направлении. Оказалось, что бессмысленные, как представлялось раньше, сновидения и ошибочные действия играют в психической жизни человека едва ли не большую роль, чем то, что происходит наяву и «правильным образом». О сновидениях стали говорить как о ежедневном схождении с ума, уподобляя его только что «открытой» шизофрениии. Фрейд еще из последних сил пытался остаться в рамках онтологии XIX века. Формально это ему удавалось, но лишь на первых порах. Уже его вторая и третья теории психического аппарата – гипотеза об инстанциях Я, Оно и Сверх-Я и постулирование наряду с инстинктом жизни инстинкта смерти – полностью разрушали представления обыденной психологии. Если на человека одновременно в противоположных направлениях действуют две силы (с одной стороны, влечения, с другой – нормы; с одной стороны, инстинкт жизни, с другой – смерти), то здесь также можно говорить о психологическом схизисе, хотя Фрейд, вероятно, не отдавал себе в этом отчета. Но Юнг уже осознал это. Сам будучи шизофреником, он постулировал мир коллективного бессознательного, который он наводнил архетипами, так что психика как здорового, так и больного человека стала описываться им как в принципе противоречивая, шизофреноподобная.

Искусство очень быстро улавливало новые открытия. Наиболее эксплицитно психоанализ изучали сюрреалисты, применявшие метод свободных ассоциаций и автоматическое письмо. В результате художественные миры, которые они строили на своих полотнах, фактически были мирами душевных заболеваний. Музыка, которая ближе к математике и, стало быть, к физике, в XX веке тоже стала шизофренической. Говоря о близости к математике и физике, я имею в виду неклассические их формы, потребовавшие для своего осуществления новых языков, непонятных для «представителей «нормальной науки» и воспринимающихся как в определенном смысле безумные (ср. знаменитую максиму Бора: «Все мы понимаем, что перед нами совершенно безумная теория, вопрос состоит только в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть верной»). Также новые языки потребовались для музыки начала XX века. Классическая «естественная» диатоническая система гармонии, построенная на противопоставлении мажора и минора, к концу XIX века исчерпала себя, как исчерпало себя позитивистское естественнонаучное мышление. Нововенская школа Арнольда Шенберга построила искусственный музыкальный язык, игнорировавший обыденную гармонию. Этот язык своей искусственностью и непонятностью для обывателя во многом напоминает бредовый язык больного шизофренией. Подобно тому как бредовое построение требует для понимания особого навыка от психиатра, также особого навыка требовало восприятие языка додекафонии, «композиции на основе двенадцати соотнесенных тонов». Эта музыкальная система строилась следующим образом. Вместо традиционной «естественной» гаммы («естественной» в кавычках, потому что привычная для европейского музыкального уха диатоническая гармония тоже была искусственно построена в эпоху барокко, только более постепенно) брался искусственный звукоряд из 12 неповторяющихся звуков (серия) и далее он повторялся, варьируя только по строгим законам контрапункта, т. е. последовательность могла быть прямой, ракоходной, инверсированной и инверсированно-ракоходной. Кроме того, можно было начинать последовательность от любой ступени хроматического звукоряда, что давало еще 12 вариантов. В результате в

ортодоксальной додекафонии использовалось всего 48 (4×12) серии. Нечего и говорить, что впечатление от этой музыки, получившей широкое распространение, было психотически жутким и тревожно мистическим.

По другому пути пошли последователи Малера, Стравинского и Хиндемита, создавшие так называемую систему неоклассицизма. Их музыкальный язык строился как коллаж цитат из различных опусов и музыкальных систем прошлого и настоящего. В результате, подобно речи шизофреника, структура музыкального опуса представляла собой «звуковой салат» (ср. понятие «словесный салат», имеющий место при некоторых формах шизофрении). Такая музыка также отражала неоклассическую и в целом психотическую или околопсихотическую (шизотипическую) реальность новой культуры.

В литературе аналогом неоклассицизма был неомифологизм. Вообще в XX веке естественнонаучная позитивистская идея эволюции сменилась идеей вечного повторения (Ницше). Близость повторяющегося мифа о вечном возвращении к шизофрении с ее мифологическим уклоном (в параноидной форме) и тяготением к повторению речевых отрезков и фрагментов поведения (персеверации) достаточно очевидна. Подобно нарушениям ассоциативных рядов в речи, которое Блейлер считал главной особенностью шизофрении, и созданию причудливых ассоциативных рядов («комплексов», как называл их ранний Юнг), литературный дискурс стал строиться как цепь мифологических ассоциаций, которые были далеки обыденному пониманию того, что такое литература, и далеки от того, как понималась литература в XIX веке (Достоевский может здесь рассматриваться как главный предтеча художественной поэтики XX века). Литературное произведение стало коллажем цитат и реминисценций – это относилось к поэтике символизма и акмеизма, сюрреализма и экспрессионизма, к неомифологическим романам Джойса, Томаса Манна, Булгакова, Платонова, вплоть до Апдайка, Фаулза, Беккета, Ионеско, Роб-Грийе, отчасти позднего Набокова, Умберто Эко, Павича, С. Соколова, В. Сорокина. То же самое происходило и в кинематографе XX столетия: фильмы «авторского» кино часто строились как система неомифологических цитат и реминисценций, недоступных обыкновенному зрителю, как недоступен обывателю шизофренический бредовый язык.

Наряду с литературой и искусством шизотипическое мышление сыграло решающую роль в философии (Витгенштейн, Хайдеггер, постмодернисты (и здесь неслучайно самоназвание «шизоанализ» у Делёза и Гваттари)), в психологии и психотерапии (главные персонажи здесь Юнг, Перлз, Мелани Кляйн, Лакан – представители шизотипического мышления). В их построениях и терапии большую роль играет вымышленная реальность, будь то архетипы у Юнга, гештальт у Перлза, «шизоидно-параноидная позиция» Мелани Кляйн, «Реальное» у Лакана.

Особую роль сыграло творчество Франца Кафки. Сложность состоит в том, что его нельзя отнести ни к одной из описанных форм шизофрении (гебефренической, параноидной, кататонической). Как правило (за исключением таких текстов, как «Превращение»), в текстах Кафки нет выраженного параноидно-галлюцинаторного бредового начала. Тем не менее, мир его произведений чрезвычайно странный – безусловно, это шизофренический мир. Как кажется, применительно к Кафке и его творчеству имеет смысл говорить о *schizophrenia simplex* (простой шизофрении), особенностью которой в отсутствии продуктивной симптоматики (прежде всего бреда и галлюцинаций) и преобладании негативных симптомов – усталости, депрессии, ипохондрии, характерной шизофренической опустошенности.

Принято считать, что творчество Кафки отразило грядущий тоталитаризм с его иррациональностью и мистикой. Последнее не так уж далеко от действительности, если понимать это не вульгарно-социологически. Сам феномен специфического тоталитарного сознания, присущий XX веку, – это шизофренический феномен. Лучше всего это понял Джордж Оруэлл. Его концепт двоемыслия (*double-thinking*), который он вводит в романе «1984», т. е. такого положения вещей, когда человек говорит или думает одно, а подразумевает противоположное, есть

не что иное как квинтэссенция схизисного характера тоталитарного мышления (как выразил это Оруэлл в романе «Скотный двор»: «Все звери равны, но одни звери более равны, чем другие»).

Шизофрения – отказ от реальности – состоит в отказе от семиотического осмысления вещей и знаков, в трансгрессивной позиции по отношению ко всему семиотическому. Парадоксально при этом, что семиотика как наука о знаках и знаковых системах актуализировалась именно в XX веке. Но это парадокс чисто внешний. Когда знаки стали исчезать, потребовалось их обосновать, когда граница между знаками и не-знаками обострилась, понадобилось понять, что такое знаковые системы. Во многом семиотика, структурализм, логический позитивизм, математическая логика, кибернетика были также рационалистическим заслоном против шизофрении, попыткой при помощи пусть логического, но все-таки позитивистски (причем обостренно позитивистски) окрашенного научного мышления противопоставить логику шизофреническому мифотворчеству. Попытки эти были неудачными. Они оборачивались своей противоположной стороной: на оборотной стороне панлогицизма зияла иррационалистическая шизофреническая дыра. Это было ясно уже из «Логико-философского трактата» Витгенштейна, где панлогическое мышление объявляется неспособным решать важнейшие жизненные проблемы, ответ на которые – мистическое молчание, своеобразная метафизическая кататония.

Деятельность Венского логического кружка, унаследовавшего идеи раннего Витгенштейна, в основе которой лежала попытка построить идеальный язык и защититься от шизофренической метафизики, увенчалась тем, что Гёдель доказал теорему о неполноте дедуктивных систем, которая резко ограничивала сферу применения логического дедуктивного мышления. Принцип верификационизма сменился попперовским принципом фальсификационизма. Поппер, наследник Венских идей, считал, что проверкой истинности теории является, в сущности, ее ложность – это уже фактически схизоподобный принцип. Развитие математики и математической логики привели к созданию интуиционизма и многозначных логик.

Так или иначе, но к ближе к концу второй половины XX века вместе с кризисом так называемого «модернистского» мышления и с приходом постмодернизма шизофреническая направленность культуры стала себя исчерпывать. На смену культурной шизофрении пришла постшизофрения, т. е., в сущности, произошла актуализация шизотипического начала в культуре. Для постшизофрении как нового переходного постмодернистского культурного проекта были нехарактерны та катастрофичность и болезненность, которые присущи модернистскому шизофреническому мышлению. Отчаянные поиски границ реальности, отказ от которой знаменует шизофренический психоз, сменился тезисом о том, что все реальности равноправны. Апофеозом этого в логике была так называемая семантика возможных миров, разновидность модальной логики, зародившаяся в конце 1960-х годов. Она выдвинула тезис о том, что действительный мир – лишь один из возможных миров. Этим тезисом был снят болезненный поиск границ реального мира. Если миров много, то существовать в том или ином мире, психотическом или каком-то другом, не так страшно. Неслучайно, что к этому же периоду были приурочены психоделические опыты Грофа, который при помощи ЛСД прививал пациентам шизофреническое состояние сознания, которое, по его представлениям, излечивало их от душевных травм путем погружения в перинатальные и трансперсональные грезы. Излечивали ли эти эксперименты или нет, но трансперсональная психология оказала неоценимую услугу XX веку в том, что показала «нестрашность» психотического состояния, во многом укротила его.

В настоящее время широкое распространение концепта «виртуальные реальности» еще более усилило тенденцию к нестрашному, а то и увеселительному путешествию в психозоподобные миры. Распространение персональных компьютеров с виртуальными играми окончательно дезавуировало миф об ужасе психотического. Если в настоящее время считается,

что каждый сотый человек на земле – шизофреник, то можно смело предположить, что каждый *десятый* страдает в той или иной мере шизотипическим расстройством личности, а среди людей, работающих в сфере культуры, пожалуй, каждый третий. Большой шизофренический проект культуры XX века можно считать завершенным.

В сущности, вполне в духе XX века – представить себе, что все мы шизофреники и пребываем в состоянии бреда воздействия. Если исходить из этой посылки, то реальность вообще не нужна. Она, может быть, была когда-то, в XIX веке. А потом исчезла, распалась на элементарные частицы. Но кто или что на нас воздействует, если нет реальности? Мы сами и воздействуем, ведь наш разум расколот. Но откуда тогда берется содержание бреда? «Убей свою жену и детей!» Но никакой жены и никаких детей нет – это тоже часть бреда, так что убивать некого! Получается порочный круг – человек бредит ни о чем. Он – элементарная частица, которая бредит об элементарной частице. Но у элементарных частиц нет ни сознания, ни бессознательного, как же они могут бредить? Значит, никакого бреда не существует! Нам только кажется, что мы бредим. На самом деле мы живем – никто на нас не воздействует и никто нас не преследует. Это все нам только казалось.

Но XX век, слава Богу кончился. Мы вновь здоровые нормальные люди. Вот она, реальность: вот ручка, вот бумага, вот сознание, вот бессознательное. Все в порядке. Ура! Мы отказались от своего бреда, мы отказались от своего творчества. Мы счастливы, как булгаковский Шарик после операции: «Свезло нам!»

Глава третья. Согласованный бред

Что самое главное в бреде воздействия? Психотик ненавидит свою психику и поэтому экстрацирует ее наружу в виде странных объектов (тезис Биона). Таким образом, фрагменты психики бредящего психотика становятся его реальностью. Вот это и есть самое главное в бреде воздействия.

Что представляет собой бредовая реальность, сотканная из фрагментов психики? Ведь сами фрагменты психики сотканы из фрагментов реальности, которые психика вобрала в себя в то время, когда психотик был еще «здоровым». Но рассуждать так – все равно что утверждать, что еда и фекалии – одно и то же. Нет, переваренные фрагменты психики психотика искажены до неузнаваемости, это, так сказать, его ментальные фекалии. Они неприятны и грязны. Это продукты психотического бессознательного.

Но это так, если исходить из фрейдовской модели индивидуального бессознательного как некой свалки отходов. Если же исходить из юнговской модели коллективного бессознательного, то будет совсем другая картина. Коллективное бессознательное – это архетипы. В определенном смысле можно сказать, что фрейдовское бессознательное – это природа, а юнговское – это культура. Но ни у Фрейда, ни у Юнга не было законченной модели бреда.

Если исходить из нашей синтетической модели бессознательного как двух зеркал, отражающихся друг в друге, то картина будет такая. При «нормальном» функционировании мышления малое и большое зеркала будут находиться в гармонии – что-то от природы, что-то от культуры. Все хорошо, все довольны. Но когда начинается бред, коллективное бессознательное подавляет индивидуальное. Бред – это огромное кривое зеркало. Странные объекты – это осколки архетипов, с ними «договориться» очень трудно.

Какие маневры здесь может предпринять патологическая психика? Во-первых, она может идти до конца и начать измельчать осколки, превращая их в ментальную труху. Но это путь однозначно гибельный – путь к психической смерти, например, кататонии. Второй путь состоит в том, чтобы из этих ментальных осколков создавать химерические соединения – «полужуравль и полукот». Это более продуктивный путь? Почему? Можно предположить, что когда родилось «первобытное сознание», оно было бредящим, реальность представлялась ему в виде причудливых химерических «полужуравлей и полукотов». «Первобытное сознание» не разделяло внутреннего и внешнего. Это был, так сказать, первичный бред. Сущность этого бреда заключается в том, что человек пытается совладать с «мыслями», т. е. думать (это тоже тезис Биона). Для этого он собирает осколки странных объектов в химерические соединения. Иногда получалось неудачно, и эти конstellляции отбраковывались. Но иногда получалось удачно, и человек начинал замечать, что он не один, что есть другие люди. Они начинают бредить вместе, т. е. как бы «разговаривать». У них появляется арбитранный язык. Они начинают отличать «подлинное» от «вымышленного», хотя делают это, конечно, не так, как это делаем мы, современные люди. Они, например, убеждены, что мертвецы обитают где-то рядом и их надо ублажать, иначе они вернуться и наделают зла.

Мы привыкли думать про себя, что мы – разумные существа и в состоянии, в частности, отличать внутреннее от внешнего и подлинное от вымышленного. Но где гарантии, что мы проводим эти различия правильно? Таких гарантий нет. Бред продолжается. Только со временем он приобретает более утонченный характер. XX век, конечно, много «испортил». Особенно кино, квантовая физика и психоанализ. Мы стали вновь уважать безумие. Если бы в XIX веке обнаружили сочинения Хайдеггера и Делёза, то их сочли бы бредом сумасшедших. А мы читаем, конспектируем, восхищаемся. Но, конечно, повторять вслед за Кальдероном, что вся жизнь – только бред, банально. Но это не хуже, чем повторять за Гегелем, что все действительно разумно. Ничего оно не разумно.

К чему же мы приходим? Я думаю, что все мы живем в состоянии *согласованного бреда*. Мы договорились одно считать нормальным, а другое – безумным. Например, «Мальчик съел мороженое» – это нормально, а «Вбегает мертвый господин» – это безумие. Ну и что же дальше? Дальше появляется какой-то умник и говорит, что «Мальчик съел мороженое» – это не нормально, а бездарно, а «Вбегает мертвый господин» – это не безумно, а гениально. В этом вся апология безумия в XX веке. И Хайдеггер, и Делёз занимают почетные места в первом ряду. А те, кто считает это безумием, и пикнуть не смеют – сочтут ретроградами. К этому все привыкли и поэтому не замечают другого, гораздо более страшного зла. На смену безобидной теперь шизофрении приходит органика. Грубый и неуравновешенный алкоголик дядя Вася, которому вообще нет дела ни до Делёза, ни до Хайдеггера. Органики, заметим, – это 99 процентов всего человечества. Они прут на нас со своим грубым бессловесным бредом.

Теперь рассмотрим подробно понятие согласованного бреда. Что это такое? В чем главное отличие бреда от «нормальной» жизни? Не так-то легко ответить на этот вопрос. Можно попробовать сказать так: в нормальной жизни соблюдаются законы логики и физики – коровы не летают, животные не разговаривают, $2 \times 2 = 4$. В бреду коровы летают, животные разговаривают, дважды два равно круглому квадрату. Допустим, кто-то говорит мне: «Я слышал, как моя кошка разговаривала с соседским котом». Я отвечаю: «Очень смешно». Он: «Да нет, я серьезно, сам сначала не поверил. Но они правда разговаривали». – «На каком же языке?» – «Как на каком? Разумеется, на кошачьем!»

Здесь я вспоминаю реальный эпизод. Мой друг-шизофреник рассказывал мне о посещении своих знакомых: «Я им сразу сказал, что они – фашисты, и они начали меня бить. И Вовка меня бил, и его жена Танька меня била, и их кошка меня била». – «А как она тебя била?» – «А она меня царапала». И он вдруг показал исцарапанные в кровь руки.

Как же мне отнестись к заявлению моего друга, что кошки разговаривали на кошачьем языке? Конечно, это бред! Скоро его положили в больницу. И все стало ясно, как Божий день. Бред он и есть бред. Кошки не разговаривают. Но это так в мире взрослых. У детей куклы, животные и даже неодушевленные предметы разговаривают. Про это детям читают сказки и показывают мультфильмы. Это безобидный согласованный детский бред. Но для детей многое в поведении взрослых тоже представляется бредом. Вспомнил анекдот о том, как мальчик подсмотрел половой акт родителей и сказал: «И эти люди запрещают мне ковырять в носу!» Для этого мальчика поведение взрослых было поведением сумасшедших.

Но все же мне могут возразить, что согласованный бред – это не настоящий бред, что мы все отличаем внутреннее от внешнего и подлинное от вымышленного. Так ли это? Я нахожусь внутри своего дома. Мой дом находится внутри Москвы. Москва находится внутри России. Очень хорошо. Значит, Москва находится снаружи меня. А разве мой дом не внутри Москвы? Значит находясь в своем доме, я тем самым нахожусь внутри Москвы? Но если выхожу из дома, то оказываюсь снаружи дома, но опять-таки внутри Москвы. Вот я и запутался. Как-то мы были в Ялте и видели там памятник – кому бы вы думали? – даме с собачкой. Это почище разговора кошек. Нам только кажется, что мы можем отличать внутреннее от внешнего и подлинное от вымышленного. Эта иллюзия – часть нашего согласованного бреда. Во времена Брежнева, чтобы сажать диссидентов в сумасшедшие дома, специально придумали диагноз «вялотекущая шизофрения», который можно поставить каждому человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.